

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД СПРАВОЧНИКОМ

Рецензия на книгу «Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XIX — начало XXI вв. Аспекты общественно-политического развития: историко-политологический справочник / отв. ред. К. В. Никифоров. — М.; СПб.: Нестор-История, 2015. — 480 с.»

Дмитрий Карев, Иван Задорожнюк

Название данного материала звучит как оксюморон, но справочник посвящен, пожалуй, действительно одному из наиболее сложных регионов мира. Поэтому всего лишь констатацией происходящего в его странах не обойтись, нужно и поразмышлять. Издание приурочено к 25-летию «бархатных» революций, или, в соответствии с более поздним термином, «революций с определениями».

Важнее другое: страны устоялись и образовали своеобразный регион, что было зафиксировано, по крайней мере, двумя метафорами. Первая из них — «Европа двух скоростей», фиксирующая неравномерность темпов развития и разность его результатов относительно «старых», западноевропейских членов Евросоюза, и «новых» — стран Центральной и Юго-Восточной Европы (иногда употребляется также метафора «Европа двух с половиной скоростей»; в случае же чисто гипотетического вхождения в ЕС Украины, может, придется говорить о «Европе с задней скоростью»). Вторая метафора — «каучуковый занавес», которым обозначается некая эластичная, но, тем не менее, трудно преодолимая граница между указанными выше группами стран Евросоюза¹. С течением времени эта метафора приобретает все большую убедительность².

Справочник не имеет аналогов ни в отечественной, ни в зарубежной литературе, хотя попытки в этом направлении предпринимались. В работе над ним использовались разнородные источники (ключевые приводятся в списке литературы), данные перепроверялись и сопоставлялись. Особо выделялись для анализа связи стран региона с Российской Федерацией, отмечались тенденции их развития и способы оптимизации. Подготовленная при ведущем участии сотрудниками Отдела современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения Российской академии наук книга представляется полезной и весьма своевременной, поэтому она будет востребована не только аналитиками, но и практическими работниками самой различной направленности (внешняя торговля, сфера туризма и т. п.).

Страновые разделы включают общие сведения о современных территориях, государственных символах, денежных единицах, населении, религиозном составе стран региона; краткие очерки современной истории этих государств, включая их политический ландшафт, биографии государственных и политических деятелей, данные об общественно-политическом строе и экономической политике; анализ особенностей внешнеполитической деятельности по отношению к России и другим государствам, сведения об участии в международных политических и военных структурах.

Но это — не только полезная информация: приведенные данные наводят на крайне интересные размышления, к примеру, следующего рода. Еще в начале второго десятилетия XX в. немецкий философ О. Шпенглер написал книгу «Закат Европы», а более точно — «Закат вечерних стран» — *Abendlandes*; некоторые части Европы, к примеру Балканы и Россия, в число этих «вечерних стран» им не включались.

Сегодня можно утверждать, что «закат» все еще длится, а те же балканские страны стремятся примкнуть к *Abendlandes* едва ли ни с юношеской горячностью... Однако не всегда замечается, что часть чешской элиты ответила на форсированное вхождение в Европу евроскептицизмом (при этом В. Клауса поддерживало немало чехов), Венгрия — национализмом, Болгария и Румыния — усугубляющейся бедностью, не говоря уже о странах — бывших республиках Югославии, где благополучная и по общеевропейским меркам Словения имеет в качестве дополнения беднющие Сербию и Македонию. Все эти сюжеты так или иначе изложены в справочнике, а заслуга авторов неоспорима в том, что они по отношению ко многим странам демонстрируют: восторги от приобщения к «закату» уже не столь горячи.

Поэтому — если еще раз обратиться к Шпенглеру — правомерен вопрос: а сколько *Abendlandes* в нынешней Центральной и Юго-Восточной Европе? Справочник не дает окончательного ответа на него. Но все же, если обратиться к казусу министра иностранных дел Польши Р. Сикорского, громко ругающего Россию, а, так сказать, втихаря и США (контрабандно полученная запись частного разговора Сикорского в ресторане в июне 2014 г. в чем-то удачно выявляет скрываемый «на людях» стиль политиков этого региона), то слова шекспировского Меркуцио: «чума на оба ваших дома» — могут и не показаться чрезмерно неуместными. Напомним, что Р. Сикорский

Авторы:

Карев Дмитрий Владимирович — доктор исторических наук, профессор кафедры экономической теории и коммерческой деятельности факультета экономики и управления Гродненского государственного университета имени Янки Купалы

Задорожнюк Иван Евдокимович — доктор философских наук, ответственный секретарь журнала «Социология образования»

в этом разговоре осуждал чрезмерную зависимость от США внешнеполитического курса Польши, что в принципе может лишь упрочить каучуковый занавес между ней и не только Россией, но также и Германией.

Несколько слов о феномене помещения в текст справочника раздела о Косово. Вряд ли такую инициативу можно было осуществить еще совсем недавно — да и сегодня едва ли ее воспримут безоговорочно сербы. Но следует напомнить: как раз евроатлантисты, а не Россия заваривали эту geopolитическую «кашу» с самоопределениями, которая пролилась и проливается через край в самых различных регионах мира. Конечно, есть опасения, что она — как каша из сказочного волшебного горшка — зальет все, что только можно, с привкусом большой крови. Но что случилось — то случилось: самостоятельность Косово признана более чем сотней стран.

Правомерно начать характеристики стран не в алфавитном порядке, как в справочнике, а по-другому: двигаясь с севера на юг региона. Страны эти разномасштабны и разновекторны по своему политическому устройству и внешнеполитическим установкам, но все же при таком подходе хоть что-то понять можно. Например, тот момент, что Польша предстает в регионе как форпост евроатлантизма, а Сербия в наибольшей степени страдает от насаждения его ценностей таской (бомбардировками столицы в 1999 г.) и лаской (обещаниями принять страну в Евросоюз и НАТО 15 лет спустя).

Польша — страна в регионе особая, что видно с первых страниц раздела, посвященного этой стране. Это и описание внешнеполитической конфигурации страны: действительно, не перерастает ли количество соседей государства после 1989 г., увеличившееся с трех до семи, в некое новое качество внешней политики? Это и моннациональный (97,6 % жителей — поляки), и моноконфессиональный (95 % — католики) состав ее населения (с. 175). Это и неизменность равнения на запад, а еще точнее — на США.

В польском разделе много мелких констатаций лабильности внутри- и внешнеполитического курса. Обращает на себя внимание декларируемая (хотя никем не осуществимая в принципе в любой стране, а особенно — в Польше) позиция деидеологизма правящей партии «Гражданской платформы», делегировавшей своего главу на один из высших постов в евроструктурах (с. 180, 206). При том, что политическим кумиром ее лидера, ныне председателя Европейского совета (с 1 декабря 2014 г.) Д. Туска (с. 202), является Ю. Пилсудский — руководитель польского государства в 1920—1930-е гг., т. е. как раз крайне идеологизированная историческая фигура. Представлены в справочнике и описания феномена «польско-польской» войны на фоне «второй Катыни» (столкновение мнений политических лидеров по поводу авиакатастрофы под Смоленском), рассмотрены призывы к «единству нации» в оценке роли В. Ярузельского в истории страны в ходе президентской кампании 2010 г. (с. 203—204) — пожалуй, одного из наиболее напряженных эпизодов в жизни постсоциалистической Польши. Дано описание политических траекторий представителей нынешней властивущей элиты Польши, к примеру главы (маршала) Сейма с конца 2014 г. Р. Сикорского — убежденного сторонника евроатлантизма «на экспорт», но его же сверхпретензии критикующего «среди своих»³ (с. 177).

Несколько критических замечаний: огромная доля материала по Польше посвящена событиям 1980—1993 гг. — от появления Солидарности до парламентских выборов 1993 г., которые уже описаны в многочисленных публикациях, в том числе в России. А вот анализ российско-польских отношений завершается рассмотрением в августе 2012 г. визита в Польшу главы Русской православной церкви Кирилла. Но ведь до декабря 2014 г. — часто упоминаемого в других разделах о других странах — в этой сфере произошли знаменательные события: то же заявление Г. Схетины прозвучало именно в этом временном промежутке. Обрыв нарратива можно оправдать лишь тем, что авторы стремились завершить его на оптимистической ноте.

И все же... Создается впечатление, что авторы раздела о Польше опасаются диагностировать состояние ее отношений с Россией с учетом казусов Р. Сикорского и Г. Схетины. Политики не боятся говорить, а аналитики опасаются их слушать... Это вряд ли правильно, и многовековые традиции российско-польских отношений свидетельствуют, что такие казусы были в истории и будут. Равно как не исчезнут и импульсы к налаживанию добрососедских отношений между двумя все же крупнейшими — и как раз европейскими, а не только славянскими — странами⁴.

Чехия представлена в книге не так уж ярко, но в русле того, что автором раздела ранее идентифицировалось как благотворная рутинизация политического процесса. Можно назвать политическую жизнь этого государства довольно «скучной» — разве кроме редко кем прогнозируемого евроскептицизма части политической элиты, ориентирующейся на В. Клауса. Обстоятельное описание государственных структур и партий, характеристика их лидеров, отсылки к экономическим показателям развития страны позволяют выработать некий целостный взгляд на ее 22-летнюю историю: при президентстве гипереврооптимиста В. Гавела (1993—2003 гг.), одного из первых континентальных евроскептиков В. Клауса (2003—2013 гг.) и энергично-го социал-демократа М. Земана (с 2014 г.). Общий и в чем-то надпрезидентский вектор ее развития — особый баланс взаимоотношений между политической элитой и гражданским обществом или, лучше сказать, гражданами. Они взвешенно организуют свою жизнь, не всегда от-

кликаясь на призывы первого президента к тотальной демократизации, не принимая всех установок гиперевроскептицизма второго и примиряясь с эскападами по внешнеполитическим вопросам третьего. Знакомство с материалом раздела делает возможным понимание причин происходящего.

Можно было бы полнее осветить позицию М. Земана относительно фактора Украины, который, правда, не столь значим для российско-чешских отношений, как для российско-польских, а также провести мониторинг позиции Чехии — а точнее, ее достаточно четко дифференцирующейся элиты — по вопросу об антироссийских санкциях. Добротной заключительной часть раздела о внешнеполитических связях Чехии все же получилась, тем более, что ей предшествует обстоятельная справка об экономическом положении страны на сегодняшний день. И, конечно, об отношениях с Россией, развитие которых имеет крайне сложную историю с начала 1990-х гг.: к 2014 г. она заканчивается, судя по концу раздела, на оптимистической ноте.

Вряд ли справедливо, что Чехии и Словакии уделено одинаковое количество страниц: все же население первой почти в 2 раза больше, чем второй, да и экономический потенциал выше. В разделе о Словакии четко прослеживается динамика внутриполитического развития страны, хотя местами он «грешит» детальным изложением. Интересны факты о вмешанности религии (католической) в политику, о трансформации в стране социал-демократической идеи и практики, о фигуре Р. Фицо и т. д. Интерес вызывает и анализ деятельности «рыхлых коалиций» — феномена политической жизни, свойственного не всем странам региона. В справочнике зафиксирован также сдвиг от такого рода коалиций к однопартийному правительству, хотя следовало бы подчеркнуть, что это общая тенденция не только для Словакии, но и, к примеру, для Венгрии.

Примечателен следующий вывод: «Вся 20-летняя история страны свидетельствовала: разговоры в самом ее начале о том, что Словакия будет якобы отставать от Чехии по самым различным параметрам, оказались несостоятельными. Более того, Словакия первой вошла в зону евро. Президента в Чехии только в январе 2013 г. стали избирать путем всенародного голосования, как это уже давно (начиная с 1999 г.) происходило в Словакии» (с. 323). В разделе намечены контуры ответа на вопрос, почему так происходит. К сожалению, в рецензируемом издании — это редкий пример межстранового сравнения, которое могло бы стать важной и интересной составляющей аналитической работы всех авторов. То же можно сказать относительно продвижения Словакии в рамках упомянутой выше «Европы двух скоростей».

В описании Венгрии наиболее интересны страницы, посвященные тому, что можно назвать историей разочарования Европой. Венгры — энергичный и высококультурный народ, появившийся в начале второго тысячелетия — постоянно и бескомпромиссно в сложнейших условиях отстаивали свою этническую идентичность и политическую свободу. История страны — это история борьбы по самым неожиданным поводам и с весьма непредсказуемыми результатами (к примеру, в 1919 г. здесь, хотя и ненадолго, установилась Венгерская Советская Республика, а немногим более 20 лет спустя страна вступила в коалицию с Германией и воевала против СССР). «Неожиданностью» стала и победа в 2010—2014 гг. партии «Фидес» во главе с В. Орбаном, которая очередной раз обеспечивает проведение линии на независимость страны не любой, но, можно сказать, очень высокой ценой, даже переутвердив основной закон страны в 2011 г. — в Конституции, в частности, декларировались единство венгерской нации и способы его обеспечения. Выборы в апреле 2014 г. показали, что основные ее положения прошли легитимизацию именно в трактовке партии «Фидес», хотя и небеспроблемно.

Как и в отношении других стран, детектором уровня самостоятельности Венгрии в проведении внешней и внутренней политики являются отношения с Россией. «С начала 1990-х гг. между бывшими участниками социалистического содружества развернулось своего рода "соперничество" за первоочередное и скорейшее присоединение к преуспевающему западному блоку европейских государств. Венгрия в августе 1988 г. — первой из тогдашних социалистических стран — установила дипломатические отношения с ЕС. Затем в сентябре того же года она также первой подписала с ЕС соглашение нового типа, так называемый "договор второго поколения"» (с. 142). Но «очарование» от скоростного вхождения оказалось не столь объемным и длительным — и Венгрия, вопреки «добрым советам» с Запада, очередной раз позволила себе быть самостоятельной в своем выборе, руководствуясь чувством национального достоинства в сочетании с прагматическим здравым смыслом. В этом плане интересно обстоятельное рассмотрение диалектики отношений с Россией, заключающее раздел. Остается добавить, что возможность хоть чего-то похожего на сближение позиций двух государств вызывает аллергическую реакцию в странах западнее «каучукового занавеса»⁵. Весь предшествующий материал раздела может объяснить, почему страна в центре Европы заняла именно такую — как всегда независимую — позицию.

Небольшое замечание: в списке рекомендованной литературы обнаруживаются книги лишь на венгерском языке, по всем остальным — есть и русскоязычные. И здесь Венгрия по-своему проявляет «самостоятельность».

Румыния — вторая по территории и численности населения страна региона. Она, однако, по многим позициям и инициативам такового места — вслед за Польшей — не занимает. Ей и уделено непропорционально меньшее количество страниц текста, да и многие характеристики статуса и перспектив развития страны по сравнению с другими описаны не столь ярко. Тем ценнее приведенная информация, которую не всегда встретишь в периодической и научной печати и в отечественных справочных изданиях.

Главным образом, это касается раздела о внешнеполитических связях Румынии и особо — связей с Россией. Авторы с должной обстоятельностью и деликатностью описывают ситуацию неполного вхождения страны в евроинтеграцию. Она не стремится выдвинуться на первые роли, подобно Польше, но четче ощущает свой статус нахождения за «каучуковым занавесом» (Польша такового не замечает, как говорится, в упор). Выявлено в этом ракурсе и специфика отношений с Молдовой — модель вовлечения постсоветской страны в евроинтеграцию путем выдачи по 100 тыс. румынских паспортов молдаванам и внутриполитических махинаций с участием Румынии на выборах в Молдове (с. 251—252).

Отношения же с Россией — это колебание между установками на некий надувной идеологизм («не пускайте русских за Дунай» — по словам одного из современных политиков) и на прагматизм (договор от 4 июля 2003 г. о дружественных отношениях и сотрудничестве) (с. 252). Общеевропейский экономический кризис не должен сопровождаться кризисом внешнеторговых отношений между двумя странами — такой обнадеживающий вывод можно сделать перспективе развития российско-румынских связей после прочтения румынского раздела справочника. Этому может способствовать и новая, после Т. Бэсеску, едва избежавшего импичмента (причем, дважды с семилетним промежутком — в 2007 и 2014 гг.) генерация румынских политиков, в первую очередь, президента К. Йоханниса, этнического немца, избранного на данный пост 16 ноября 2014 г.

Болгария, по словам персонажа фильма «Доживем до понедельника», не везло с правителями. После получения независимости в 1870-е гг. среди политических лидеров страны доминировали Баттенберги да Сакс-Кобурги-Готы (один из представителей которых даже возглавил постсоциалистическое правительство). Болгария принимала участие в двух мировых войнах на стороне Германии — вопреки воле большинства народа.

Может, эта историческая память послужила и столь же громогласному, но не отвечающему общественным настроениям рядовых болгар повороту ее политической элиты к евроатлантизму? Это — один из выводов после знакомства с материалами справочника. Однако перспектива плодотворности подобного поворота встречается с увеличивающимся скепсисом как внутри страны, так и за ее пределами.

Тяжелейший демографический кризис: с 8948 тыс. в 1985 г. до 6980 тыс. в 2013 г. — почти на 2 млн граждан Болгарии стало меньше (с. 36) — и призывы к полномасштабному и любой ценой «вхождению в Европу», даже выраженные в названии партии (с 2009 г. правящей) «Граждане за европейское развитие Болгарии — ГЕРБ». Декларативные заявления о продуктивности экономических связей с Россией и отказ от участия в строительстве выгодного, в первую очередь для Болгарии, газопровода «Южный поток»; некоторые из приверженцев истового евроатлантизма с такой яростью борются за отказ от строительства газопровода (с. 63), что создается впечатление: они предпочли бы жизнь вообще без какого бы то ни было энергообеспечения.

Особое внимание в книге уделяется бывшим республикам Югославии. Причем выявляется закономерность их политической эволюции, выражаемая принципом: чем южнее, тем сложнее. Так, в Словении и Хорватии все более-менее устоялось, Сербия отличается стабильной нестабильностью, а регион Косова внушает так и не преходящие опасения по самым различным причинам. При этом допускается: хотя не все члены ЕС признают независимость Косово, в организационную программу расширения ЕС эта самопровозглашенная республика все же входит.

В балканских странах в обозреваемый период применялись новшества, устрашающие своим лицемерным оформлением. Одно из них — «информационная война» в качестве заметного, а в чем-то даже ключевого фактора. Вчера жертвы такой войны — в первую очередь, сербы, а сегодня — десятки других народов. Ее участники — корреспонденты западных СМИ, выступавшие как дипломаты, и дипломаты, сводившие свою активность к журналистике; известные фирмы, занимавшиеся предоставлением услуг в сфере общественных связей (PR-компании); интеллектуалы и «простые труженики», например из южных штатов США, часто не знавшие, что есть такой народ, как сербы, и такой край, как Косово. Не остались «безучастными» к ее воздействию и политики самого высокого ранга в России: стараниями именно В. Черномырдина удалось сломить сопротивление сербов, когда шли бомбардировки Белграда. Урок этой игры в поддакки чрезвычайно тяжелый для отечественной внешней политики, но он все же был выучен где-то временем речи В. Путина в Мюнхене.

На примере Балкан видно также, насколько легко запускаются в странах региона механизмы самоосуществляющегося пророчества, когда предсказание формирует и даже форсирует события, при которых неосторожные слова накликают немалую беду.

Если оценивать, прибегая к метафорам, ситуацию со Словенией, то можно сказать, что это едва ли ни единственная республика со счастливой судьбой, что особенно заметно на фоне других государств — бывших республик Социалистической Федеративной Республики Югославия (СФРЮ). Немногим более 2 млн населения живет наиболее обеспечено из всех стран региона, страна с 2004 г. входит в НАТО и ЕС, с 2007 г. — в Шенгенскую зону, а с 2010 г. — в ОЭСР.

Политическая жизнь страны в наибольшей степени укладывается в рамки того, что можно назвать благоприятной рутинизацией политического процесса, ее партийно-идеологический ландшафт напоминает таковой в странах Западной Европы. Именно в Словении наиболее интенсивно шла подготовка к многопартийным выборам в апреле 1990 г., а на плебисците 23 декабря 1990 г. почти 9 из 10 словенцев высказались за ее независимость. Она была немедленно признана рядом европейских стран, которые начали покровительствовать ей как очагу европейства в регионе.

Еще существовавшая в то время СФРЮ выдвинула летом 1991 г. к границам Словении войска, но конфликта удалось избежать при посредничестве европейского сообщества. Выборы — тогда и в дальнейшем — как президента, так и парламента проходили относительно спокойно, конфликты самого разного рода регулировались на основах договоренности. Любая из партий постоянно призывала сосредоточиться на решении экономических проблем, что позволяло ряду политиков именовать это спецификой словенского менталитета. «Экономика страны вовлечена в европейские экономические процессы, и кризис в Словении это, прежде всего, кризис Европы. Какие бы новые политические лидеры не появлялись, они не смогут существенно повлиять на ситуацию в стране. Единственное, что они могут сделать — это ускорить или замедлить разрушение национальной экономики страны. В настоящее время Словения переживает не лучшие времена, поскольку нет лидера, который смог бы решить накопившиеся проблемы», — правомерно отмечается в разделе (с. 346). Кроме этого, подчеркивается, что связи с Россией отличаются все же позитивной динамикой, хотя отказ от «Южного потока» неблагоприятно оказывается на их перспективе.

Хорватия — первое из государств, безапелляционно выбравшее национально заостренный курс развития. Выборы в республиканский парламент состоялись 22 апреля 1990 г., а 30 мая 1990 г. президентом страны стал Ф. Туджман (1922—1999). Его биография непроста: еще в 1972 г. политика-генерала осудили за националистические взгляды, он подвергался преследованиям и в начале 1980-х гг. В конце этого же десятилетия Ф. Туджман стал лидером партии «Хорватское демократическое содружество», которая ориентировалась на силовое решение проблем сербского меньшинства (12 % населения страны). Война, которая приобрела в Хорватии название «отечественной», — одна из первых в цепи военных столкновений на территории всей Югославии. С 1992 г. во вновь появившуюся страну потребовалось введение миротворческих сил.

Очередной этап войны начался 1 мая 1995 г., когда 150 тыс. сербов покинули Хорватию. Зато в ней укрепились «начала демократии», которые идентифицировались с моноэтническим государством. В целом число граждан, покинувших страну, достигло полумиллиона. Может, как раз поэтому с 1996 г. наметились признаки нормализации в отношениях между Хорватией и Сербией, усилившиеся после смерти Ф. Туджмана (10 декабря 1999 г.) и свержения С. Милошевича (2000). Ультрапарадоксальным в истории двух стран с некогда единым языком является то, что 25 июня 1991 г., к моменту распада Югославии, когда парламенты Словении и Хорватии провозгласили независимость, национализм был заклеймен лишь как «великосербский». Но он оказался образцом для других национализмов — причем особенно в Хорватии. Здесь он достиг за предельного уровня, объявляясь средством борьбы с коммунизмом.

Хотя авторитет Хорватии не был высоким в связи с «реинтеграцией» территории Республики Сербская Краина и существованием авторитарного режима, не совместимого с западным представлением о демократии, частичная международная изоляция ею преодолевалась. В начале января 2015 г. президентом страны стала К. Грабар-Катарович, представитель партии «Хорватское демократическое содружество», победив якобы ориентирующегося на «югонастальгию» социал-демократа И. Йосиповича. Правда, ей досталось нелегкое наследие: число безработных в стране по сравнению с 2008 г. выросло с 9 до 19 % (Economist. — 2015. — January 17. — P. 24). Что касается российско-хорватских отношений, то они характеризуются нестабильной позитивной динамикой.

Автор раздела о Боснии и Герцеговине столкнулся с большими проблемами при рассмотрении ее современной истории как страны с немалой численностью крайне разнородного этнических и религиозно населения и ограниченным суверенитетом. Казалось бы, более запутанное государственно-политическое устройство трудно найти не только в регионе, но и во всей Европе. Может, только Швейцария чем-то отдаленно представляет собой идеальное подобие сожительства разнородных этносов (Босния и Герцеговина, к примеру, таким же образом разделилась на кантоны). Но в справочнике благополучно удалось распутать этот клубок разнородностей — при наличии внешнего управления (со стороны Совета по выполнению мирных соглашений), равно как и постсоциалистического периода истории страны. Думается, что уроки жесткого проти-

востояния и его постконфликтного урегулирования, изложенные в справочнике, вызовут интерес самых разных специалистов. Как и векторы внешнеполитических предпочтений государства, охарактеризованных в конце раздела. «Основной формой взаимодействия Боснии и Герцеговины с ЕС с 2008 г. является временное соглашение о торговле, вступившее в силу с 1 июля 2008 г. Босния и Герцеговина остается единственной, кроме Сербии, постюгославской страной, не признавшей независимость самопровозглашенного Косова. Этому противостоит как Республика Сербская, так и сербские представители в общебоснийских органах власти, несмотря на активное стремление Сараево поддержать Приштину. Зачастую боснийские общины проводят собственную внешнюю политику — бошняки выстраивают отношения со странами исламского мира, Республика Сербская — с Сербией, Россией и Израилем, а хорваты — с Хорватией», — констатирует автор (с. 105). Раздел о Боснии и Герцеговине поучителен, в первую очередь, тем, что демонстрирует всемерную деструктивность этно- и религиозных конфликтов в современном мире.

Республика Македония — страна, статус которой все еще находится в стадии определения, если учесть ее двойное название; так, в ООН она вошла в 1993 г. под названием бывшая югославская Республика Македония, на чем настаивали и настаивают страны-соседи, в первую очередь, Греция — страна, отнюдь не беспроблемная в самых разных отношениях.

Население ее составляют немногим больше 2 млн человек, при этом четверть его — албанцы. Уже эти факты показывают, что страна в принципе конфликтогенна по самым различным направлениям. В то же время ее становление прошло относительно спокойно. Она, в отличие от практически всех остальных республик, даже Словении, стала самостоятельной без большой войны, включая даже ее угрозы (правда, были покушения на ее президента К. Глигорова 3 октября 1995 г., а избранный 14 октября 1999 г. президент Б. Трайковский погиб в 2004 г. в авиакатастрофе).

В целом политическая система трактуется в разделе как достаточно устойчивый механизм с двумя конкурентными партиями. Но относительно спокойную жизнь в стране взорвал военный конфликт между местной Освободительной национальной армией в Македонии, не отрицавшей своей связи с Армией освобождения Косово, и государственными властями в 2001 г. Отмечено, что первое военное столкновение произошло 12 февраля 2001 г., а в мае правительство Македонии сделало шаги в сторону диалога с албанскими партиями. Мятежники подошли на расстояние 10 км от столицы в июне того же года, а 5 июля между сторонами было заключено перемирие, для чего потребовалось вмешательство международного сообщества, включая ввод сил НАТО.

Сложное положение внутри страны, согласно журналу «Экономист», не внушиает такой тревоги за ее судьбу, как за судьбу соседней Сербии. Оно характеризуется на начало 2015 г. следующими параметрами: ВВП в 2014 г. по сравнению с 2013 г. вырос на 3,7 %, но безработица достигла 28 %; 447 тыс. граждан Македонии живут за ее рубежами (Economist. — 2015. — March 7. — P. 26).

Автор раздела о Сербии (он же ответственный редактор издания, директор Института славяноведения РАН) небезосновательно репрезентирует страну как некий невралгический узел европейской и даже мировой политики. В написанных им же «Вводных замечаниях» подчеркивается, что очередная революция 5 октября 2000 г. здесь была последней из черды «бархатных революций» и одновременно — первой из «цветных». «Эти революции получили название "цветных" или "электоральных", поскольку обычно они происходили во время выборов. Точно по сербскому сценарию произошли затем "революция роз" в Грузии, "оранжевая революция", а затем и "евромайдан" на Украине, ряд революций в постсоветской Центральной Азии, прежде всего в Киргизии. Общее между двумя типами "бархатных революций" — протестное выступление масс на основе соединения демократии и национализма», — отмечается во «Вводных замечаниях» (с. 9).

Детальнее характеризуя ход и последствия черды революций в Сербии, автор отмечает, что собственно «бархатная революция» здесь растянулась на 10 лет, затем наступил этап новой «цветной» (она же — «бульдозерная»), которая по-новому представила сочетаемость протестного выступления масс на началах демократии и национализма, используя процедуры выборов. В новом столетии Сербия со своей судьбой остается в гордом и часто горестном одиночестве. Это не означает, что ее не включают в geopolитические игры; ею продолжают манипулировать и у нее нет прочных постоянных союзников, как это было со временем Российской империи и СССР (у Российской Федерации были в этом плане свои «грехи»). Сербский этнос и его государственность загоняют в некую дисгармоничную сегментацию. С одной стороны, каждый восьмой из ее 7 млн жителей беженец из бывших республик СФРЮ, с другой — страна территориально урезается (с. 275). Примечательно, что испробованная модель дисгармоничной сегментации применяется в отношении и других государств, не только балканских.

Политикам следует очень осторожно относиться к данной стране как насильственно усмиряемому региону, где впервые использовались тщательно отработанные новые политтехнологии при поддержке новейших военных технологий подавления воли и этносов, и государственных образований на протяжении XX в. И ситуация «бархатного» — причем скорее обещаемого элите, чем предоставляемого народу — статуса благоприятствования в ЕС (кандидатом на вступ-

ление в ряды которого она названа в марте 2012 г.) при этом особо сложная. За это приходится «платить», во-первых, прозападноевропейским внешнеполитическим курсом (за вступление в ЕС, по опросам 2007 г., выступали 72 % сербов, но лишь 26 % – за вхождение в НАТО) и полуфактическим полупризнанием отделения Косово (сербское руководство 19 апреля 2013 г. подписало в Брюсселе договор о нормализации отношений с самопровозглашенной республикой) (с. 282).

Анализ истории как в описании современной ситуации в Сербии, так и в заключительном разделе о Косово свидетельствует: жизнь на территории Европы носит взрывной и непредсказуемый характер в связи с новыми кризисами, а балканские государства едва ли потеряют роль детектора многих политических турбулентностей, которую они играли в течение XX в. Тем более, происходящие в этих странах события нуждаются в постоянном и взвешенном мониторинге с опорой на глубокое знание их истории.

И еще: XXI век требует крайней осмотрительности в трактовке эволюции и сохранения этносов и их государственности. Об этом говорит феномен Косово. 10 июня 1999 г. была принята резолюция ООН № 1244: Косово формально оставалось в составе Союзной Республики Югославия, но фактически оккупировалось войсками НАТО. Предполагалось возвращение в автономный край югославских полицейских и пограничных сил, разоружение боевиков Армии освобождения Косово, но поскольку этого не произошло, в Косово начались убийства мирных жителей, поджоги и разграбление имущества неалбанского населения, разрушения культурно-исторических памятников. 250 тыс. сербов и других жителей неалбанского происхождения покинули край, а возвращенный в Косово терроризм вышел за границы края (в частности, в Македонию в 2001 г.). 17 февраля 2008 г. Косово провозгласило в одностороннем порядке независимость от Сербии. Почти двухмиллионное государственное образование, в котором более половины трудоспособного населения – безработные (с. 456), признано на время выхода в свет справочника выше 100 странами мира.

Албанское руководство, проигнорировав косовских сербов, приняло в июне 2008 г. конституцию Косово после предварительной договоренности с США. На первый взгляд, это выглядело парадоксальным: при С. Милошевиче Союзной Республике Югославия (ставшей с 2003 г. Сербией и Черногорией) навязывалось соглашение, по которому Косово юридически и формально оставалось все-таки частью Сербии. После же его свержения и семи лет считавшегося демократическим правления сербы в 2008 г. наказывались потерей 20 % своей территории; в 2006 г. стала независимой и Черногория.

Ультрапарадоксальным является то, что за это Сербии пришлось смириться с Международным трибуналом в Гааге, который превратился в некое подобие Нюрнбергского процесса, осуждающего само сербское государство по принципу коллективной ответственности. Где есть такая густая тень – там и яркий «свет»: независимое Косово. Но в рецензируемом издании доказательно демонстрируется, что Республика Косово мало чем – кроме представительной внешности ее лидера Х. Тачи, да еще тайной сети торговли человеческими органами (с. 463–465) – может похвальиться. После пятых внеочередных июньских выборов И. Мустафа (экс-мэр столицы Приштины и профессиональный экономист) в декабре 2014 г. сменил Тачи.

Государственное образование Косово в этом плане – первый предвестник еще одного вполне возможного поражения Европы, подобного поражению на Косовском поле, когда турецкие войска захватывали европейскую территорию. Ситуацию не спасает то, что с лета 2012 г. косоварам подавались сигналы о возможности начала переговоров о присоединении к Евросоюзу. Надо-де всего лишь устраниить коррупцию как фактор внутренней нестабильности и влияние Сербии – в качестве фактора внешнего... При этом главным внешнеторговым партнером страны остается Македония, албанское меньшинство которой не преминуло организовать революционные выступления против государственной власти в 2011 г.

Черногория – самое молодое государство в регионе (правда, она постоянно отстаивала свою независимость, обладая таким статусом с 1366 по 1499 г., затем с 1796 по 1918 г.), образовавшееся в 2006 г., а 28 июня 2006 г. ставшее членом ООН. Стране с 620 тыс. населения в книге отводится такой же объем, как и гораздо большей Румынии. Оправданием, возможно, служит то, что Черногория завершила череду государств – бывших республик СФРЮ, получивших независимость. Но все же изложение ряда сюжетов носит чрезмерно дробный характер, особенно с учетом того, что последнему периоду истории Черногории посвящен ряд монографий, в том числе русскоязычных.

Конечно же, следовало бы больше сказать о внутриполитических особенностях развития Албании, чтобы получить ответ на вопрос об истоках того, что смело можно назвать идеей Великой Албании⁶. Внешнеполитическая жизнь страны отличается особой сложностью в связи, с одной стороны, с низкими показателями ее экономического развития, а с другой – с претензиями на ее великодержавность. Руководство страны не боится усугублять сложность отношений с греками, сербами, македонцами, ориентируясь на лозунг Великой Албании. При этом в случае конфликта с Грецией она апеллирует к исламским ценностям, с Сербией – к установкам евроатлантизма

и т. д. Однако значительная часть политической элиты страны все же ориентируется на европейские ценности, что выразилось в принятии страной статуса официального кандидата на вступление в ЕС.

23 июня 2013 г. в Албании состоялись парламентские выборы, в ходе которых победили партии социалистической ориентации. И если предшествующее правительство ставило себе в заслугу ее вступление в НАТО в 2009 г., то новое стремится установить членство в ЕС. Правда, осуществить требуемые для этого реформы не так просто в условиях кризиса. И все же большинство партий, включая оппозиционные, утверждают, что Албания с путем реформ не сойдет.

25-летие революций, как показано в справочнике, застало большинство стран региона в их внешнеполитических ожиданиях и стратегиях на некой точке перелома. Начнем по алфавиту. Болгария, отказав Газпрому в прокладке трубопровода по логике: назло (только кому?) не буду соблюдать собственные интересы, заявляет, что ее неправильно поняли и трубопровод как раз нужен.

Венгрия — страна с народом, никогда не лишавшим себя права на протест, даже при самых неблагоприятных обстоятельствах, причем протест на грани самодеструктивности, — активно налаживает отношения с Россией, игнорируя указания западных соседей и заокеанских наставников.

Польша, неся подобно бегуну на груди финишную ленточку русофобии, выстраивает внешнюю политику уже за гранью разума: утверждать устами министра иностранных дел возможность отметить 70-летие Победы не в Москве, а в Гданьске (может быть, не только потому, что он был местом столкновения с фашистами в Вестерплатте, но и в силу того, что он стал колыбелью Солидарности) — явное тому доказательство. Все же тотальной русофобии среди населения страны не наблюдается.

Словакия (в лице премьер-министра Р. Фицо) и Чехия (в лице президента страны М. Земана), выбиваясь из строя стран ЕС, пытаются занять сдержанную позицию в отношении антироссийских санкций.

Хорватия и Черногория заявлениями ряда своих политиков превращают эти санкции в некие священные заветы.

Эти точки перелома частично зафиксированы в справочнике, но более важным является не всегда формулируемая с достаточной точностью (да она и принципиально неформулируема, хотя и ощутима) констатация: рассматриваемые страны — все же соседи России, даже за лихорадочно выдвигаемым новым санитарным кордоном из стран Прибалтики и Украины. Фиксацию этого момента даже чисто информационно в материалах справочника можно считать несомненным его достоинством. Есть все основания предполагать, что он будет востребован самыми разными читателями в весьма разнородных местах, для чего потребуется его дополнительное издание.

Несколько пожеланий. Первое: надо бы четче идентифицировать пояс государств между Балтикой и Адриатикой. Может, следует отказаться от геополитической чересполосицы, в которой упоминаются и Центральная, и Южная, и Восточная части Европы, т. е. все, кроме Западной и Северной, остановившись на названии «Центральная Европа»? Этот концепт признавался, к слову, исследователем, в память о котором и выпущена книга — Ю. С. Новопашинным (1934—2012): он отображен в названии выпущенной под его редакцией книги «Центральноевропейские страны на рубеже XX—XXI веков» (М., 2003). Конечно, акцент на таком названии — в чем-то рискованный шаг. И все же можно согласиться с тем, что указанные страны, будучи отделенными неким «каучуковым занавесом» от Европы Западной и в то же время выстраивающие некое подобие санитарной границы на востоке, образуют как раз целостный регион, который обладает не в полной мере выявленными признаками релевантности. По крайней мере, стоит открыть дискуссию на эту тему.

Второе. Страны с десятками миллионов населения желательно осветить полнее, отняв «жилплощадь» текста у стран с 2—3 млн. Те же Румынию и Польшу можно, на наш взгляд, осветить больше, а вот Словению (даже учитывая ее сверхуспешный статус в регионе), а уж тем более Черногорию — поменьше. Это можно сделать, не увеличивая общий объем издания.

Третье. К сожалению, составители, авторы и издатели не ориентировали справочник в качестве учебного пособия — а ведь добротных аналогов книги в качестве такового не отыскать, и пытливый студент (причем не только интересующийся славянскими странами) победнее будет часто спрашивать его в библиотеке, а студент побогаче — и приобретет (желательно указать, где это можно сделать). Издание вполне может быть рекомендовано, например, для чтения специального курса лекций. В качестве собственно справочного издания оно, несомненно, будет востребовано и политическими аналитиками, и деловыми кругами.

Пожеланием обсудить справочник и обосновать необходимость его переиздания на неких виртуальных и/или реальных «круглых столах» с тем, чтобы работа в данном направлении продолжилась (и чтобы признать его — на наш взгляд, небезосновательно — для издания подобных трудов по другим регионам мира), завершим данную рецензию.

Еще раз подчеркнем: издание добротное, информационно насыщенное и взвешенное в оценке ситуации в одном из наиболее интересных — в самых различных аспектах, начиная от геополитического и заканчивая историко-культурным — регионов мира. Региона, страны которого — как всегда и было в истории — испытывают сверхдавление (так же Сербия), отвечая на них вызовами (так же Венгрия) и предлагают самые разнонаправленные решения в плане перспектив развития всего континента и мира.

Регион сегодня является неким предместьем евроатлантизма по отношению к России с ее установкой на евразийство. Предместьем, которое может превращаться и в плацдарм для давления, и в оживленную площадь взаимодействия — не только передвижения товаров, но и продуктивного обмена культурными ценностями.

Труд вольно или невольно манифестирует эту позицию на уровне каждой из стран. Внимательное чтение изложенного в нем материала убеждает в мысли о том, что можно — крайне условно — назвать потенциалом комплементарности (взаимодополняемости) в отношениях Востока и Запада. Отношениях, неизбежно и безальтернативно ожидающих лучших времен, несмотря на дымные от артиллерийских залпов закаты над Украиной.

¹ В 2002 г. одним из авторов справочника утверждалось, что «... занавес, перестав быть "железным", все же остался в качестве "каучукового" и в некоторых аспектах, в первую очередь экономическом, столь же трудно проницаемым» (см.: Задорожнюк, Э. Г. Социал-демократы Центральной Европы: достижения и приоритеты на рубеже XX—XXI вв. / Э. Г. Задорожнюк // Европа: журнал польского Института международных дел. — Варшава, 2002. — Т. 2. № 3-4. — С. 163).

² Журнал «Экономист» (Economist. — 2014. — May 17. — Р. 38) опубликовал статью под названием «Новая Европа разделена по отношению к России так же, как и Европа старая с неприятными последствиями для всех стран», которая, думается, подтверждает наличие именно этого «занавеса». В статье говорится о пояссе лежащих между Черным и Балтийским морями стран, которые в разные периоды носили различное название: «окровавленные страны» во Второй мировой войне, «плененные нации» в годы «холодной войны», «экс-коммунистические нации» после нее и «новые члены ЕС» в настоящее время. При этом сегодня, небезосновательно признает журнал, Польша и страны Прибалтики занимают позиции «ястребов» в вопросе антироссийских санкций, Венгрия выступает против, Чехия и Словакия занимают сдержаные позиции, а Болгария трактует как «тroyянский конь» России в ЕС, хотя ее отношение к «Южному потоку», на наш взгляд, говорит как раз об обратном.

³ Заметим, что сменивший его на посту министра иностранных дел Г. Схетина «загладил» неудобозабываемые беседы уже явной провокацией в отношении России. Он то объявил, что Освенцим освободили украинские войска, то призывал отметить 70-летие победы над фашистской Германией не в Москве, а в Гданьске.

⁴ Конечно, казусы Р. Сикорского, Г. Схетины и др. в справочнике фиксировать, а тем более анализировать вовсе не обязательно (хотя и допустимо). Но как раз при знакомстве с польскими сюжетами становятся понятными многие невразлические жесты страны в сторону России — жесты во многом самозванного и вымученного носителя авангарда евроатлантизма, зачастую путающего других его носителей своей радикальностью.

⁵ Достаточно привести эпатирующие заголовки статей в журнале «Экономист», посвященные Венгрии (ни одна из других стран региона в нем не упоминается так часто: «Виктор идет на войну», «Венгерский лидер ведет перебранку со своей партией и с Америкой») (Economist. — 2015. — January 3. — Р. 28) или «Шоу Виктора и Владимира. Германия и другие европейские страны сердятся на Венгрию за ее связи с Россией» (Economist. — 2015. — February 14. — Р. 21).

⁶ Протуберанцы этой идеи охватывают соседние страны, включая Македонию, Сербию и даже Грецию. За Великую Албанию выступили, по опросам начала 2010 г., ^{3/4} опрошенных в Косово и более 70 % — в Албании (с. 27).

Статья поступила в редакцию в сентябре 2015 г.